

А. Ф. ГИЛЯРЕВСКИЙ

Немецкое засилье в русской народно-религиозной жизни

<Фрагменты>

Современная Отечественная война вскрыла целый опасный нагнойник на русском теле немецкого происхождения. Под этим нагнойником я разумею то губительное немецкое влияние во всех областях нашей жизни, о котором прекрасно знали в различных слоях русского общества, но говорить о котором не было принято вплоть до разразившейся неожиданно для нас настоящей войны. Но едва только загрохотали орудия на нашем Восточном фронте, едва полилась кровь православного русского человека, как в столичной и провинциальной прессе, а затем и в обществе громко и настойчиво заговорили о тяжелой зависимости России от Германии в области экономической, внешней и даже внутренней политики, в области искусств, в области научной мысли и проч. То, что раньше скрытно волновало русское общественное сознание, теперь, с объявлением войны, свободно заявило себя единогласно в многочисленных статьях периодической печати всех направлений без различия и в призыве общества к борьбе с тяжелым гнетом неметчины. Сразу стало как-то ясно для русского человека, что глубоко внедрился немец в нашу жизнь общественно-социальную со своим влиянием, много вреда и ущерба принес он с собой России в своих видах и целях, и много нужно усилия и жертв, чтобы искоренить, вытравить его из русской жизни и противопоставить ему свое самобытное русское влияние.

Не постеснился немец пробить себе путь и к самому сокровенному тайнику души русского человека, в его святое святых, к национальной нашей вере, к православной и религиозной совести русского народа, чтобы и сюда внести свою протестантскую

отраву и тем пошатнуть самые основы русского народного духа. К сожалению, влияние немецкое в области религиозной всегда как-то замалчивалось в широких интеллигентных кругах, а русское сектантство последнего времени даже имело своих благосклонных защитников среди многих образованных, передовых людей нашего времени, которые ревностно защищали неограниченную свободу сектантских обществ от незаконного якобы посягательства на нее со стороны официальных представителей Православной церкви и пастырей ее. Между тем едва ли не все русское рационалистическое сектантство и, в значительной доле, мистическое, по характеру своего учения, является копией немецких протестантских взглядов. История русского, особенно рационалистического, сектантства неоспоримо устанавливает глубокие следы немецкого влияния в нем.

<...> Еще в то доброе старое время, когда святая Русь не была открыта для свободного доступа в нее иностранцев, когда исключалась почти всякая возможность иностранного влияния в каких бы то ни было областях жизни, германец-протестант и тогда тревожил время от времени русское гражданское и церковное правительство совращением в свою веру отдельных личностей из русских, или же напоминал о себе на Москве попытками пропагандировать свое излюбленное лютеранство.

<...> Вред протестантского влияния ясно сознавался лучшими людьми того времени, так как он направлен был на самое дорогое сокровище народное, веру его. Да кроме того, русские люди хорошо понимали и видели деятельность протестантов — иностранцев, направленную во вред самому государству русскому, особенно в Смутную эпоху. Само правительство московское в конце концов стало проявлять осторожность в сношениях с иностранцами, сознавая вред иностранного влияния и видя, что народ слишком резко выражает свое недовольство ими.

<...> Но если в прошлом православная Россия интересовала протестантских пасторов, вроде Рокиты и др. и группы немецких проходимцев, по счастливой случайности приткнувшихся к власти на Руси, вроде Бирона с его компанией, то в XIX в., с 60-х и 70-х гг., православная Россия начинает интересоваться уже всю Германию. Если протестантские пасторы и их фанатично настроенные духовные дети... совращали своими бреднями единых «из малых сих», как, например, они совратили Башкина, Косого Феодосия, Тверитинова и др., а правительство Анны

Иоанновны решило насильно опротестанить Русь, то современная Германия всеми силами и средствами стремится привить русскому народу те же протестантские идеи, но в виде учений различных сектантских толков, по преимуществу же штунды и баптизма.

<...> Широкое и быстрое распространение штундизма у нас на юге объясняется, конечно, наличием благоприятных условий для пропаганды, с одной стороны, а с другой — немецкой неразборчивостью в средствах для соращения простосердечных поселян. Русские крестьяне-малороссы томились духовным голодом, утолить который порой не были в состоянии их пастыри за малообразованностью или по небрежности, и вместе страдали от безземелия и тяжелых социальных условий, а немецкие пасторы брались, с одной стороны, напитать их якобы и духовной пищей и прельщали, кроме того, нашу бедноту своею проповедью о коммунизме.

<...> В настоящее время штундо-баптизм — самая живучая и крупная секта по количеству последователей, и самая передовая в отношении пропаганды. Удачная пропаганда баптистских проповедников, начавшаяся на западе России, свила себе потом гнездо на юге и быстро переброшена была даже на Кавказ. Здесь одним немцем обращен был в баптизм купец Воронин и его приказчик Павлов. Последний сделался впоследствии одним из ярых последователей баптизма.

В наше время эта секта настолько имеет широкое распространение в России, что едва ли найдется епархия, где бы не было последователей ее. Объяснение этому мы находим в необычайной энергии и любви к пропаганде немцев штундо-баптистов, в их прекрасной организованности, в умении применяться к обстоятельствам, в умении использовать слабые стороны простого народа. Для обеспечения успеха пропаганды немцы-штундо-баптисты создали в России; многочисленные союзы, общества, благотворительные кружки, молитвенные дома, организовали специальную и народную миссию. Их многочисленные специальные миссионеры обеспечены жалованьем, разъездными, содержанием, книгами, листками и т. п. С целью пропаганды издаются ими специальные журналы в России.

Их народная миссия стоит на недосягаемой высоте. В баптизме ведут пропаганду все без различия — мужчины и женщины, последние даже с большим фанатизмом. Сектанта-пропагандиста

можно встретить и на улице, в вагоне, и на пароходе, и проч. В обращении они очень ласковы, но вкрадчивы; заговорят, закатывая к небу глаза, непременно о вопросах веры и постараются в беседе вставить тексты из Писания, истолковывая их незаметно для собеседника, в сектантском духе. Все они почти, не исключая женщин, очень осведомлены в своем вероучении и прекрасно знают места Священного Писания, на которых основываются. Больше всего, конечно, они обращают внимание на серую массу, среди которой легче найти бывает безответного и легко поддающегося влиянию их речей. Правда, и здесь сектанты сумеют отыскать слабую струнку русского мужичка в его бедности, приниженности. Немалое впечатление, в положительном смысле, сектанты штундо-баптисты производят на простых людей ханжеством, внешним благочестием, степенью, трезвостью, а нередко и денежной субсидией. При всех этих средствах пропаганды сектанты-штундо-баптисты обладают еще громадными денежными средствами.

<...> Трудная и весьма ответственная задача предстоит нашей внутренней миссии по борьбе с сектантской пропагандой. Трудность ее заключается, во-первых, в отсутствии сил и средств, какими обладают сектанты, и усугубляется еще малым сочувствием к ее задачам и целям интеллигенции, что нами уже было отмечено. Сочувствие к сектантству той же интеллигенции, мне думается, основывается на простом недоразумении и непонимании скрытых задач и целей сектантской пропаганды. Хочется думать, что эта война раскроет глаза широким общественным кругам на действительный облик нашего сектантства и побудит ее, и если не изменить свои отношения к православной миссии и церкви, то хотя пересмотрит их.

Православная церковь в своих стремлениях удержать и прекратить совращение в сектантство ее истинных чад руководствовалась едва ли соображениями только личного интереса, но и интересами народными и государственными. Вот почему она искала поддержки в этом своем деле у правительства и общества. Для нее становилось ясным, что вместе с усилением сектантства на Руси наступит засилье немецкое в русской народной религиозной жизни со всеми его отрицательными сторонами, а это засилье в народной душе было бы равносильно гибели русской государственности и народности, ибо без основ народного духа не может быть самобытной государственности и национальной жизни.

<...> Штундо-баптизм ведет очень успешно свою разрушительную работу среди православных и именно в желательном для немцев смысле. Уже давно били и бьют тревогу исследователи сектантства и не напрасно, что штундо-баптизм ведет к онемеченью. Еще в 80-х гг. прошлого столетия отметил это известный ученый архипастырь Никанор, архиепископ херсонский в своих трудах. Русские крестьяне, по его словам, принявши штунду, мало того, что бросают русскую избу, национальную одежду, заводят у себя немецкий уклад жизни, перенимают язык немецкий, но и ставят в своих домах портреты германского императора и открыто заявляют, что скоро придет Вильгельм, завоюет Россию и даст им свободу.

<...> Сектантские идеи, впрочем, несколько дают и обратные результаты у наших сектантов, чем у немцев. Тогда как у немцев настоящая война связала воедино общей идеей все сословия, все партии, не исключая социалистов и религиозные секты, отказавшиеся ради идеи немецкого милитаризма от своих основных принципов, наши сектанты штундо-баптисты, в силу принципа «не воюй», отказываются идти на войну, носить оружие, и мало того, тайно ведут пропаганду против войны в войсках. Установлено, что в Екатеринославской и Херсонской губерниях велась пропаганда среди солдат 139, 140 и 141 подвижной полевой хлебопекарни.

<...> Но неужели наши русские люди, увлеченные коварным тевтоном в штунду и баптизм, окончательно порвали со всем историческим прошлым русской народности, со всем его святым достоянием — верой его, неужели они окончательно отказались от своей природы? Хочется верить, что не ослаб еще окончательно русский дух в наших сектантах, и только немецкое засилье здесь изолирует его и лишает свободы полета. Но наступит же момент, когда лишь только ослабнет это ярмо, как снова проявится этот дух наружу и потребует соединения с своей истинной природой. Есть уже и первые ласточки, вестницы близкого наступления этого момента. Не далее, как 7-го апреля, в одну из московских газет из Одессы передано следующее радостное известие: «архиепископ Назарий сообщил Синоду о состоявшемся присоединении к Православной церкви 52 семейств баптистов, проживающих в Елизаветградском уезде. Вместе с ними перешел в православие баптистский дьякон. Обращение в православие объясняется ослаблением немецкой пропаганды

в колониях Херсонской губернии», прибавляет специальный корреспондент газеты.

С удовлетворенным чувством да прочтут это известие все, кому близки интересы церкви Православной и Отечества.

